Не хотите ли кофе?

Специальное театральное приложение к газете «Пугачёвка, 6», не существующей ныне, но существовавшей в далеком 1996 году, когда, как и сейчас, театральная студия гимназии (ныне школы) №1505 показывала «Кофе черный..., как и весь этот юмор»

Мила Адела

Милена Саркисян

Этот театральный сезон начинался для меня совершенно обыкновенно, как и все предыдущие. Я знала, что мы будем ставить «Кофе черный», видела эту пьесу в записи, когда училась в 9 классе, но помнила мало. Только то, что мне понравилось и что там играла Дарья Михайловна Хлёстова. После прочтения пьесы я пришла к выводу, что мне достанется роль Лауры или одной из гостей дома, потому что я уже играла подобные небольшие, но яркие и комичные роли и понимала, что с ними я точно справлюсь. Четко помню момент, когда ВА сказал, что я буду играть донью Аделу. Я сначала начала смеяться, подумала, – это шутка. Потом, когда поняла, что все это всерьез, смех превратился в слезы. Я плакала, и смеялся уже ВА. Тогда я поняла, что этот год будет сложнее, чем я предполагала.

Самое большое, что мне предстояло сделать, – это побороть страх. Я ужасно боялась ответственности, которая на меня возлагалась, боялась, что я не справлюсь с ролью и провалю спектакль, боялась, что придут зрители, которые видели первую версию спектакля, начнут сравнивать игру актеров, и счет будет не в нашу пользу. Первые месяцы я пыталась выпросить диск со спектаклем 1996 года, чтобы посмотреть, как это уже делали на нашей сцене, но ВА мне отказал. Сейчас я очень благодарна ему за это. Он хотел, чтобы все было по-новому, чтобы я не оглядывалась на предыдущий материал, не брала его за основу, а делала свою героиню так, как чувствую ее я. Началась долгая и кропотливая работа над образом.

Почти сразу пришла идея о том, что донья Адела будет передвигаться на кровати, поэтому период мизансценирования обошел меня стороной. Сначала я радовалась, что никаких движений мне совершать не придется, но, оказывается, безумно тяжело находиться на сцене и не иметь возможности прямого взаимодействия с окружающими ребятами-актерами, не иметь возможности встать и подойти к партнеру и даже отвечать за то, в какую сторону ты сейчас будешь смотреть: как кровать развернут – таким и будет твое положение на сцене. Я не чувствовала никакой возможности влияния на окружающих и, более того, доверяла им всецело в вопросах «перевозки» моего персонажа по сцене. Первое время было нелегко привыкнуть, я ощущала себя абсолютно беспомощной. Я как будто просто сидела на сцене, а вокруг меня происходил спектакль. Уже тогда я начала осознавать, что нужно будет вывернуться наизнанку, чтобы переключить фокус внимания на себя.

Я понимала, что, будучи обездвиженной, я обязана играть лицом, использовать мимику и движения рук и делать это настолько ярко, эмоционально и активно, чтобы зрителю этого было достаточно. А еще – каким-то образом мне, двадцатилетней студентке, нужно стать старой, уже слегка сумасшедшей, приводящей в ужас, но все же комичной, несчастной, парализованной старухой. Да как это вообще возможно сделать?

Я решила начать с изменения голоса. Какие только вариации я ни придумывала! То взвизгивала, то «жала» голос, то говорила почти басом, хрипела, говорила старческим высоким голосом, пока наконец к апрелю я не пришла к тому звучанию, которое устроило и меня, и режиссера, и как всегда это произошло случайно. Я просто чувствовала, что Адела должна говорить вот так. До сих пор не знаю, как я звучала со стороны, но говорят, что это был совершенно не мой голос. Надеюсь, что это правда, потому что именно этого

я и добивалась. Во время пятничного спектакля я прямо на сцене сорвала голос к большой радости ВА, который подошел ко мне и воскликнул: «Ты сорвала голос, да? Прекрасно, так даже еще лучше!» Ну, как говорится, чего ни сделаешь, чтобы порадовать Маэстро…

По задумке внешняя оболочка моей героини должна была отражать порочность и уродство ее внутренней стороны. Не помню, кто предложил идею выпавшего зуба, но она сразу прижилась. Я специально ездила в театральный магазин и покупала черную зубную эмаль, которой гримировала передний зуб. Потом появилась идея о символах преступности на лицах персонажей: черные брови и черные губы – приметы убийц. Мешковатая, не по размеру одежда, седой парик, страшные круги под глазами – и внешний образ, наконец, собрался воедино. Все вокруг говорили мне: «Это отлично, ты прямо ужасно некрасивая, как надо!». Если я подходила к ребятам со спины, они пугались, когда оборачивались. После спектакля многие признавались, что первое время невозможно было понять, что на сцене именно я. Я воспринимала это как комплимент – чем меньше в образе меня, тем больше там моего персонажа.

Никогда еще мне не приходилось настолько сильно изменяться внешне, так старательно менять голос, осанку, смех, никогда еще я так активно не использовала мимику своего лица. Это было что-то абсолютно новое для меня, невероятно увлекающая и трудная работа. От репетиции к репетиции я ощущала, как моя героиня начинает жить собственной жизнью прямо на сцене. Ни с чем не сравнимые ощущения. Несмотря на то, что после каждого прогона я была абсолютно обессилена, я была бесконечно счастлива делать эту роль, потому что понимала: для меня – это выход на абсолютно новый уровень, выход за собственные рамки, за все мыслимые и немыслимые пределы, которые я сама себе ставила.

Этот год перевернул мое осознание себя как актрисы, и то, что я испытала на сцене за прошедшие 5 дней театральной недели, меня изменило. Я всерьёз задумалась о том, что театральная сцена для меня может быть не просто хобби, и теперь понятия не имею, что с этими мыслями делать. А ещё в какой-то момент мои страхи улетучились, и я научилась получать удовольствие от игры вне зависимости от всего, просто быть в роли и наслаждаться этим, не ради аплодисментов, а ради того, чтобы делать то, что любишь. Это удивительное счастье.

Театральная неделя прошла как сон, я не успевала даже очнуться. Я будто играла один большой спектакль, и мне так и не удалось увидеть его со стороны, что тоже для меня в новинку. Я постоянно находилась внутри действия, а очень хотелось увидеть, что же мы сотворили, так ли это здорово, как нам кажется со сцены. Потому что нам правда было очень здорово! Вся наша работа, наши репетиции, нескончаемый смех над шутками... Мы получали удовольствие от всего репетиционного процесса, и никогда еще не было так хорошо. У нас собралась такая теплая, такая дружная команда, какой не было уже давно, и это очень вдохновляло. Каждый студиец отдавал себя без остатка нашему спектаклю, и я уверена, что именно это и привело нас к такому яркому финалу. Мы как-то сразу полюбили эту пьесу и этот спектакль, и поэтому нам так хотелось, чтобы и зритель полюбил. В пятницу одна из девочек нашей студии зашла за кулису и сказала: «Мне сейчас так хорошо, я просто выхожу на сцену и кайфую от того, что делаю». И я поняла, что это самые чудесные слова, которые можно услышать. Когда актеры получают удовольствие от того, что они делают на сцене, они не могут не вызвать отклика в душе тех, кто находится в зрительном зале.

Лично я, когда оставила все страхи и сомнения, когда смогла перейти границу «у меня не получится сделать больше, чем я уже сделала», оказалась в полном ощущении счастья и удовлетворения от собственной работы. Впервые за 6 лет театральной студии я гордилась тем, что я сделала. Мне впервые не хотелось себя ругать, впервые я отдала себя всю без остатка и получила результат, кото-

рым сама осталась довольна. И я за эти чувства, за этот опыт буду бесконечно благодарить. Этот год привнес в мою жизнь столько новых прекрасных людей, столько новых возможностей развития, дал мне силы реализовать все то, что задумывалось, и даже больше. Я не знаю, чем я заслужила все это, но я безумно за это благодарна.

Я всегда говорю, что студия – это мой второй дом, что я прихожу туда – и мне хорошо. Теперь студия – это еще и место, которое из года в год открывает во мне новые грани, которое не перестает доказывать мне и остальным, что возможно все. Даже поставить еще раз тот же самый спектакль через 20 лет, и поменять в нем все, создав совсем иное, но не менее прекрасное творение.

Я люблю студию в себе и люблю себя в студии, хотя Маэстро говорит, что так нельзя. Его я, кстати, тоже люблю. Люблю наш спектакль и нашу театральную труппу. Я счастлива. Мне хочется написать здесь об этом, чтобы запомнить, как я переживала все это. Чтобы я могла вспоминать потом, как прошёл наш самый странный и самый прекрасный театральный год. Потому что я не хочу забывать. Ничего не хочу забывать.

Год 2018. «Кофе чёрный, как и весь этот юмор». Спектакль, который для меня изменил все.

Пляски Смерти, или Урок жизне-любия от Дона Грегорио

Ольга Дунаева (Бученкова)

Невозможно дважды войти в одну реку…. Невозможно повторить спектакль 22 года спустя: он должен быть другим, потому что изменилось многое – иное время, иные реалии, другое поколение актеров, другой опыт у режиссера. Да и в принципе – точные повторения не интересны творцу.

Получив приглашение на спектакль «Кофе черный, как и весь этот юмор», я немного удивилась, что режиссер решил возродить пьесу, ставившуюся на сцене в 1996, в которой мне посчастливилось сыграть (повторов за столько лет почти не было). Анонсы еще более подогрели мой интерес, ибо жанр постановки анонсировался как трэш-фарс. Это означало для меня ожидание иной концепции спектакля, иных акцентов. Первая версия была, очевидно, трагифарсом, и трагедий – личных, семейных - там было достаточно (во всяком случае по задумке)… В чем же отличие?

Трэш, по сути, - жанр, где использование штампов черной комедии достигает невероятных, гиперболических масштабов, доходя до пародии. Фарс же предполагает легкое комедийное действо с множеством комических эффектов. В данном случае, это, конечно, черный фарс, как и весь этот кофе….

С первых минут сцену заполняют герои, преувеличенно уродливые, страшные клоуны с гиперболизированными реакциями, нечеловеческими действиями и движениями, абсурдными интонациями и жутковатым внешним видом. Будто мы - зрители – смотрим на сцену через искривленную лупу «местного Шерлока Холмса» Марсиаля, подаренную ему его мамашей Доньей Венерандой.

Жанр спектакля - это серьезный вызов для актеров: удерживать предельный уровень страшной клоунады, не «расколовшись» самим и не переигрывая, оставляя зрителей в напряжении и ожидании разворачивающегося действия – задача не из легких. И актерский ансамбль с этим достойно справился.

Страшная семейка объединена ужасными черными бровями и губами – это черная метка,

страшная отметина на лице центральных персонажей, делающая их мимику устрашающей, лица – контрастными и искаженными, как у мертвецов.

Черно-красно-белая гамма спектакля (макияжа и костюмов), пляски, напоминающие корчи, маски – все это навело на мысль о сходстве действа с мексиканским Карнавалом Смерти. Dia de los Muertos - день памяти умерших, восходящий к ацтекскому культу поклонения богине смерти Миктлансиуатль. В традициях карнавала устраивать шествия, праздник воспоминания усопших часто с юмористическим окрасом. Кстати, в традициях карнавала держать дома реальные черепа умерших, демонстрируя их окружающим как семейную реликвию. Тут вот очень кстати черепа, любовно высушенные Льермо.

И вот появляется предположение, о чем эта новая версия спектакля.

Это страшное веселое карнавальное шествие ритуального поклонения Смерти. Смерть высмеивается и уродливо искажается, подвергается насмешке и становится пародией, и от этого, возможно, более ничтожной и менее страшной.

Герои не любят жизнь, они смакуют Смерть. И даже ритуальное убийство невинного Сатира, который брал на себя «грех» зарождения новой жизни, – это жертвоприношение богине Смерти.

Вся семья центральных персонажей обречена на смерть – у них не будет продолжения. Они не терпят жизнь и намеренно клеймят плутоватого Льермо наследственным пороком бесплодия, поэтому же Лаура и Донья Адела так самозабвенно завывают «Черного ворона» – песню о птице, неизменно сопутствующей смерти.

И финал у этой пьесы, как это ни парадоксально, счастливый, в определенном смысле, ибо все герои обретают то, к чему стремились, о чем не переставая грезили: смерть! У Хуана Хосе Алонсо Мильяна в оригинале пьесы финал достоин трагикомедии – в комнату с тремя отравленными родственниками входит блаженная Хустина со своей ужасной куклой, что-то напевая. В этом спектакле финал доведен до абсурда и исполнен в стиле полнейшего трэша: это касается финального эпизода с Хустиной. Эта детка на протяжении всего действия казалась «белой вороной» в этой страшной «чернобровой» семейке, призывающей черного ворона. Она полная противоположность – наивная, чистая, любящая, ей нравятся странные вещи – например, ее «красавица» кукла, сделанная из черепа ее мужем Льермо. А в финале, уже домысленном режиссером сверх придуманного Мильяном, появляется Хустина, и на ее губах появляется черная помада – семейная метка, в руках она держит красивую в общепринятом смысле куклу – это обращенная Хустина, она часть этой семьи, она готовит себе и выпивает кофе черный…. как весь этот трэш! … и над этим полем семейной битвы продолжает кружить и звучать гребенщиковский «Черный ворон».

А победителем и триумфатором этой битвы становится вовсе не «несчастный старик» Дон Грегорио, жажда жизни которого способна победить козни адовой семейки, крысиный яд, страшную атмосферу нелюбви к жизни и друг к другу, царящие в одном несчастном доме в городе Бадахосе, провинции Эстремадура. Все сокровища жизни - деньги, драгоценности, прекрасная Пирула с ее любовными утехами, и даже слава Сатира – достаются единственному персонажу, который в этой компашке самозабвенно любит жизнь! Многие лета, Дон Грегорио! Браво!

Сложно сравнивать два спектакля, особенно когда к одному из них у тебя есть душевная привязанность, уже перемешанная с ностальгией по юности. Да и не стоит сравнивать. Они, безусловно, разные – актерскими приемами, режиссерской задумкой, финалом, наконец! Наверное, стоит признать, что новая версия более актуальна для современного театра, переводящего все традиционные жанры в фантасмагорию, доводящего все до предела, утверждающего безусловную силу смеха как главного инструмента.

А вообще было весело и задорно – и актерам на сцене, и зрителям в зале. Настоящий трэш!

Две Хустины

Две Маши, две девятиклассницы – Тарасова и Гуманова – в очередь исполняли главную роль в спектакле, роль слабоумной девочки Хустины. Но если МТ играет на сцене уже четвертый сезон, то МГ лишь в прошлом году была принята в Младшую Театральную Студию (МТС), а «Кофе» - ее первый спектакль в Старшей Студии (СТС). Еще замечательно то, что в жизни они - две очень близкие подруги. И две их Хустины, пожалуй, одинаково понравились публике, даже тем зрителям, кто в целом не смог принять спектакля…

Маши, расскажите, как вы оказались в СТС?

МТ: Я попала в Студию в восьмом классе после двух лет в МТС. Помню, как в сентябре 2016 года ВА написал мне, что хочет со мной серьезно поговорить. И я испугалась, что мне не нашлось роли в новом спектакле… К счастью, роль нашлась, но - в спектакле Старшей Студии! И вот уже два года СТС для меня второй дом, как бы банально это ни звучало.

МГ: В начале 9 класса (я еще числилась в МТС) ВА подошел ко мне на перемене и спросил: «Машуля, не хочешь ли случайно сыграть роль сумасшедшей?» Я сначала сильно растерялась: «А вдруг я не поняла шутки?» Но потом что-то ответила. Уже не помню что, но что-то убедительное!

Как вы встретили пьесу, предложенную режиссером, и как оценили назначение на роль Хустины?

МГ: Пьеса меня сильно удивила своей непохожестью на привычный жанр. Я даже растерялась.

МТ: Да, сначала в пьесе было довольно сложно разобраться, но как только я на читке поняла, кем является каждый из персонажей, «просто пьеса» превратилась для меня в живую историю. Она понравилась мне в первый же день, хотя я чувствовала, что для полного осознания, мне придется еще не раз ее прочитать. А роль Хустины – это моя самая любимая роль за все четыре года.

МГ: И я влюбилась в Хустину по уши, глубоко и навсегда. Приняла ее с чувством гордости.

Расскажите, как проходят репетиции в студии? Ведь об этом знают очень немногие. Что там самое интересное? Что – самое скучное?

МГ: На репетицию все торопятся, даже если не опаздывают, потому что там хорошо. Обычно у нас есть 10-15 минут, когда мы мило болтаем, обнимаемся, едим, шутим или просто готовимся, дожидаясь всех. А потом играем. А потом прощаемся, опять болтаем, обнимаемся, едим и так далее…

МТ: Репетиция зависит от настроя актеров и режиссера. Если мы настроены работать, то это продуктивное время. Но если мы смеемся и не работаем, то… и это делаем качественно и до конца репетиции.

МГ: Самое интересное – слушать шутки, поставленные впервые. Да и вообще, смотреть спектакль, как в первый раз.

МТ: Самое интересное - генеральные прогоны, тут я выкладываюсь на сто процентов и чувствую это же от других. Еще я очень люблю репетиции, когда режиссер еще не сказал тебе, что точно надо делать, и ты ходишь по сцене, как чувствуешь сам. Мне не очень нравится отрабатывать одно и то же, но я знаю, что это необходимо. Были сцены, во время которых не одну репетицию возникали какие-то остановки и взаимное непонимание. И на таких репетициях мне сложно было оставаться активной и бодрой... Но и это не скучно.

МГ: Скучно, наверное, не бывает. Только когда мы тормозим. А мы очень стараемся этого не делать! Хотя бы чтоб не расстраивать ВА.

А каков ВА на репетициях? Он страшный? Грозный? Тихий? Веселый?

МТ: Честно говоря, все три года до этого я побаивалась ВА, но не потому, что он злой или грозный. Я не умею быстро открываться людям. Я чувствовала большую ответственность перед ВА, которая почему-то стесняла меня. Особенно тяжело при-

шлось в прошлом году, так как это был первый и потому нелегкий год в СТС. В этом году стало легче. Наверное, причиной этому послужили мои друзья, которые пришли в студию, и я смогла почувствовать какую-то семейную любовь и безопасность.

МГ: ВА лучший на репетициях. Он эталонный. Злится, когда мы тормозим. Шутит и смеется, когда у нас получается. Он именно такой, какой должен быть – честный, таким образом каждый из нас может трезво себя оценить.

МТ: ВА всей душой болеет за спектакль и актеров. Он никогда не скрывает свои эмоции, поэтому иногда работать тяжело, ведь ты видишь на лице режиссера недовольство или разочарование. И меня это не подстегивает работать лучше, это расстраивает. Но зато, когда ВА хвалит, у тебя вновь вырастают крылья, и ты с удвоенной энергией идешь на сцену.

МГ: ...чтобы получить самую высшую похвалу в виде фразы «Ты мне сегодня понравилась!».

Вы видите в себе что-то от Хустины? Что-то «подарили» ей своё, от себя?

МГ: Моя Хустина началась с шутки Дани Климюка: «Маш, ну, тебе проще всех играть - даже вживаться не нужно». И я согласилась, хоть и игралось вначале непросто. Может, я не настолько умственно отсталая, как Хустина, но так же по-доброму стараюсь жить, иногда натыкаюсь на одни и те же грабли, как на пощечины тети Лауры. Хустине я отдала всю свою энергию, потому что мне хотелось сделать ее такой же непоседливой и непостоянной.

МТ: Роль Хустины – это самая близкая мне роль, самая любимая. Если убрать тот факт, что Хустина – умственно отсталая, думаю, что можно сказать: она гротескная копия меня. Любовь к окружающим - это то, что Хустина проносит через всю пьесу, несмотря на происходящее. Я тоже люблю людей вокруг себя, легко прощаю, и мне очень сложно вычеркнуть кого-то из жизни. Хустина помогла мне по-другому, лучше понять окружающих, понять себя, за что я ей невероятно благодарна.

Маша, как тебе кажется, твоя Хустина отличается по характеру от Хустины Маши? Если да – то чем?

МТ: Наши Хустины разные. Хотя очень сложно рассуждать, не видя свою игру со стороны.

МГ: Я хотела сделать ее вечным двигателем, а речь и жесты - граничащими с реальной неполноценностью психики. Добавить капельку сумасбродства. А Машина Хустина мне представляется более спокойной, наивной и навязчивой глупышкой.

МТ: Не знаю, как получилось, но я старалась дать Хустине немножко взрослой серьезности и понимания.

МГ: Ха-ха, серьезность не отрицает умственной неполноценности. И не спасает от пощечин.

Кстати, когда тебя по-настоящему бьют по щекам – это больно? обидно? смешно? Что вы чувствовали на репетициях и спектаклях?

МТ: Получать пощечины иногда больно, но никогда не обидно, потому что бьют-то не меня, а Хустину.

МГ: В первый раз было довольно больно. С непривычки. А потом ты привыкаешь и наслаждаешься звуком красивого хлопка.

МТ: Ребята замечали, что я никогда не уклонялась от пощечин, и смеялись, что у меня отсутствует инстинкт самосохранения, в то время как у Маши он работает отлично. Лиза Ульянова и Даша Никитина не могли смириться с тем, что им приходится нас бить, и после каждого прогона подходили и извинялись за это. А после спектаклей очень многие спрашивали о пощечинах, жалея наши щеки.

МГ: Мне было весело. Не знаю отчего, но это правда.

С кем из партнеров вам игралось особенно приятно, комфортно? Почему?

МТ: Состав театральной студии в этом году был идеальным для меня. С каждым мне удалось сыграть на одной сцене, с каждым было при-

ятно. За это хочется сказать спасибо каждому человеку. И с Денисом Макаревичем, и с Колей Чусовитиным мне игралось невероятно комфортно, потому что я играю с ними парные роли уже не первый год. Но понятно, что на разных этапах подготовки с кем-то хотелось играть больше. Как и Хустина у нас, Льермо у каждого из них был свой. Но я безумно рада, что мне удалось сыграть с каждым из них.

МГ: Денис и Коля играют совершенно по-разному. С Колей я знакома еще с сезона МТС, поэтому игралось мне с ним более спокойно. Мы всегда понимали друг друга. Зная его характер, я чувствовала себя как за каменной стеной, не боясь помарок на сцене. С Денисом я начала общаться только лишь с этого года, поэтому сначала мне было трудно подстроиться под его игру и поведение. Денис более эмоциональный и непредсказуемый. Но и тут все в итоге получилось. С Лаурами - Дашей и Лизой - игралось легко, потому что мне требовалось всего-то бояться пощечин и сильно любить своих теть, что я и так делаю. И мне это очень нравилось, хотя иногда я по-настоящему начинала их побаиваться…

Как вы отнеслись к тому, что многие зрители не поняли и не приняли ваш спектакль? Вас это расстроило?

МГ: Не очень. У каждого свой уровень принятия юмора, тем более черного, да и вкусы тоже всегда разные. Главное, что они сходили посмотреть на Студию! Вот это приятно.

МТ: Конечно, всегда приятно слышать хорошие отзывы, но слушать плохие - не менее интересно. Ты можешь подметить для себя что-то новое о спектакле, понять другой взгляд на него. И ведь плохие отзывы - это тоже отзывы. А значит, наш спектакль затронул. Я думаю, что он останется в памяти гимназии надолго.

Как отреагировали на спектакли и твою роль дома?

МТ: Это первый спектакль за несколько лет, который понравился моей семье.

МГ: Моя семья тоже в восторге от спектакля. Родителям понравилась смелость постановки, ее юмор и красота мизансцен. И роль моя понравилась. Хотя шутили так же, как Даня Климюк. Даша, моя сестра, уже смотрела спектакль на генеральном прогоне (ее приглашали фотографировать), но говорит, что все равно ее каждый раз до дрожи пробирает концовка: «Хотелось пересматривать ее снова и снова». Даша является главным рецензентом того, чем я занимаюсь, поэтому ее оценка спектакля была для меня очень важна. Невероятно радовалась, когда услышала ее мнение.

Что для вас значит СТС?

МТ: Студия собирает людей, которых я полюбила, вместе и объединяет общей работой, имеющей для каждого из нас особый смысл.

МГ: Люди там чудесные. Это место, где тебя всегда ждут. Или ты их ждешь, если они опаздывают.

Чего вы ждете от следующего сезона? Разве может быть роль лучше слабоумной девочки Хустины?

МТ: Пока я не могу представить роли, которая была бы лучше этой. Но я хочу, чтобы в следующем сезоне я превзошла себя и свои ожидания. Каждый год я остаюсь недовольна собой. И я жду, что какая-нибудь из следующих ролей вывернет меня наизнанку и заставит гордиться тем, что я сделала.

МГ: Не знаю, что сказать о роли лучше Хустины… Пока не думаю об этом. Я жду той же теплой атмосферы, потому что влюбилась в каждого человека в студии. Я жду эти веселые лица, вопросы «Ты идешь сегодня?», приятные разговоры обо всем и остальные «пряники» СТС. Я жду чего-то такого же незабываемого и ценного. Хочется в очередной раз удивить зрителей, не оставив никого равнодушным.

К вопросу о жанре

Е.Ю.Терехова

«Чёрный юмор — юмор с примесью цинизма, комический эффект которого состоит в насмешках над смертью, насилием, болезнями, физическими уродствами или иными «мрачными», макабрическими темами. Чёрный юмор — обычный ингредиент абсурдистики в литературе и в кино. На высмеивании священных или неприкосновенных тем построена английская «чёрная комедия» (black comedy)» (*Википедия*)

Это на всякий случай, если кто-то забыл, что черная комедия – жанр вполне респектабельный, разрешенный, представленный не единожды в мировом театре и кинематографе. А раз так, значит, этот жанр востребован, значит, есть что-то, о чем получается рассказать только такими словами, отразить только в этих образах.

В пьесе М. Метерлинка «Синяя птица» (не имеющей никакого отношения к черному юмору!) мальчику Тильтилю дают шапочку с волшебным алмазом, который «возвращает зрение». Если алмаз повернуть, обнажится суть вещей и явлений, в неживом обнаружится живая душа, уродливая старуха превратится в прекрасную Фею, а важные, благообразные и величественные господа – вдруг станут жалкими, перепуганными, отвратительными уродами.

Так и в нынешнем спектакле – сдернуты покровы благопристойности и этики, и жизнь наша предстает бесстыдно голой и отвратительной. Именно НАША жизнь – ситуации-то все совершенно типичны! Развитие их утрировано, да… Но убери расчлененку, цианид и град пощечин, добавь «отмазки» вроде психологизма и социальной детерминированности, замени в репликах прямой смысл на переносный, и вот вам обычная бытовая драма! Так сказать, «о тебе и обо мне»…

В том-то и дело, что эти «монстры и уроды», как говорил режиссер перед каждым спектаклем, живут, уж извините, в нас с вами. Надежно укрыты псевдоблагородными словами и фальшивыми улыбками, блесткой игрой интеллекта, лживым обаянием и лицемерной сострадательностью. Запрятаны под всякого рода оправданиями – потому что нет у дьявола более милого дела, чем убеждать нас, что его не существует.

И вот тут поворачивается алмаз.

И открывается суть: когда любовь к ближнему подменяется жалостью к себе – люди превращаются в монстров. И не существует жанра, который бы показал эту метаморфозу столь бескомпромиссно, как вышеозначенная черная комедия. Чтобы вот так – прямо и грубо, без всяких «романтических злодеев», «обаяния зла». Без афоризмов, вроде «зло – обратная сторона добра», «как выглядел бы мир без теней» - и прочих дьявольских уловок. Точно по правилам античного театра: трагедия повествует о возвышенном, а комедия – о низменном. А низменное должно изображаться отвратительным и – обязательно! – смешным, без всяких примесей и толкований.

Чтоб и в голову не пришло сказать или совершить что-то хоть отдаленно подобное. Чтобы суметь распознать монстра даже в зеркале и остановить превращение, пока не поздно.

Черная комедия, которую мы увидели этой весной, – всего лишь зеркало, отразившее наши пороки. Не отворачивайтесь от зла, его нужно знать в лицо, чтобы узнать при встрече!

Мысли вразброс

Анна Ярош

Основная тема спектакля: добро и зло. На примере судеб всех героев показано, что зло будет наказано, а мечущиеся между тьмой и светом души сами выбирают свой путь.

Если седина и отсутствие зуба у Аделы обусловлены ее возрастом, то черные губы - наследственная черта, которая передалась дочери: уродство души показано внешне.

Донья Сокорро приходит в этот дом в поиске развлечения. Ей нет дела до ужасов, происходящих в доме: это показано в эпизоде, когда она встречает «умершего» дона Грегорио, а видит в нем Майкла Джексона. Она даже не помнит, как он выглядит, ей никогда не было до этого дела.

Марта осталась жива в этом доме благодаря заботе, которую проявила по отношению к «маньяку», заставив его выпить кофе. Судьба Эустакио оказалась трагичной: он всю жизнь брал на себя чужую вину и в итоге принял смерть, предназначенную другому.

Льермо, «наделённый наследственным пороком», точно не является отрицательным персонажем пьесы. Он торгует запрещенными товарами, нарушает закон, но он не желает никому зла: имея возможность подставить Энрике, он не делает этого. Его арестовали до того момента, когда Хустина приготовила кофе, и это спасло его от смерти.

Но когда у Энрике была возможность признаться во всем и нести ответственность, его фраза «Ничем не могу помочь» все решила, и он разделил участь Аделы и Лауры: в нем победила тьма. Герой мог избежать смерти, сознавшись в преступлении: тогда бы он остался жив, но он сам определил свой путь.

Ситуация, когда Марсиаль изучает чемодан с трупом и упрямо ничего не замечает, аллегорична: персонаж видит оболочку, но не суть. Таким образом, он разоблачил самого безобидного из этого дома – Льерьмо, не обнаружив истинных злодеяний, и остался крайне доволен собой.

В финале у каждого освещено лишь лицо: обличается их сущность. Но когда на сцену выходит Хустина, включается свет: показано, что она единственный светлый персонаж. Она добродушна: ее бьют, а она продолжает улыбаться и любить всех. Ее слабоумие – спасение для нее. Она не осознает злобы тех, кто находится радом с ней. Хустина смотрит на мир через розовые очки и живёт в мечтах: кукла с мертвой головой (которая является олицетворением всех жителей дома) кажется ей красивой. Она до самого конца не желает никому ничего плохого, старается всех порадовать. Но именно Хустина, самый добродушный персонаж, становится инструментом свершения справедливости. Сохраняя в своей душе доброту, она бессознательно совершает зло, и в финале на ее губах темная помада, как и у членов ее семьи: хоть и неяркая, но она есть. Героиня продолжает нести всем свет и радость в своих мечтах, но в жизни девушка оказалась неспособна противостоять злу. Она не подозревает, что стала его орудием. Судьба Хустины неопределенна: она поднесла кофе к губам, но не выпила. Непонятно, понесет ли героиня наказание за зло, совершенное бессознательно.

Спектакль наполнен черным юмором: это необходимо для передачи атмосфера, царящей в доме. Юмор такой же черный, как и их души.

После того, как Адела и Лаура обсудили убийство дона Грегорио, они поют строки из песни:

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься надо мной…

Черный ворон выступает здесь символом кары, которая следует за совершенным злодеянием.

Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой.

Они верят в свою безнаказанность. Эта же песня звучит и в конце спектакля, когда каждый выве-

ден на чистую воду:

Чую, смерть моя подходит,
Чёрный ворон, весь я твой.

Кто-то свыше, кто вершит справедливость, видит настоящие лица всех героев. Каждому досталась свое заслуженное наказание. Звучание этой песни в Испании странно, она русская народная. Это говорит о том, что обличены герои одного конкретного города - но существуют такие отвратительные люди не только там, эта ситуация применима ко всему человечеству.

В начале и в финале Марсиаль говорит: «Зло обязательно будет наказано». Он действительно считает, что это он наказал истинное зло. Но эта фраза, прозвучавшая из уст самого нелепого персонажа, и становится главной идеей пьесы.

И смех, и грех

Варвара Пивнюк

«Кофе чёрный, как и весь этот юмор» - спектакль, поставленный на основе фарса Хуана Мильяна «Цианистый калий... С молоком или без?». Это парадоксально, но анализ постановок, где все заведомо лежит на поверхности, на мой взгляд, самый тяжёлый, потому что зритель начинает копать глубже, чем стоило бы. Фарс не подразумевает глубокого осмысления, потому что это всего лишь комедия легкого содержания. Здесь каждый образ - гиперболизирован и гипертрофирован. Все пороки здесь выворачиваются наизнанку. Я увидела в этом спектакле вполне складную систему, где в каждом из образов воплощён какой-то смертный грех.

Начнём с самого простого - *гордыня*. Ее олицетворяет Марсиаль - «местный Шерлок Холмс» (по заверению режиссера), вообразивший себя настоящим сыщиком. Самооценка Марсиаля куда выше его умений, о чем говорят забавные перебивки с музыкой из фильма «Шерлок Холмс». Ещё в самом начале спектакля становится понятно, что он рассеянный, невнимательный и норовит уснуть, как только выпадает такая возможность. В конце сюжета, когда мы уже знаем, что каждый из героев либо убийца, либо вор (а некоторые ещё и совмещают в себе эти роли), Марсиаль хватает только Льермо, да и за что? - за контрабанду!

Чревоугодие. Здесь все тоже крайне просто: этот грех олицетворяют «вечные гостьи» - донья Сокорро и донья Венеранда. Создаётся впечатление, что они появляются на сцене исключительно ради того, чтобы поесть за чужой счёт. Донья Сокорро, которая приходит посмотреть на умершего дона Грегорио, даже не замечает подмены - настолько ее это не волнует, вернее, волнует, но не это. Она лишь громко скорбит по человеку, которого толком не видела и не знала, превращая даже такой, если хотите, траурный момент в комедию.

Уныние и Зависть. Эти грехи олицетворяют Адела, «благородная парализованная женщина», и ее дочь Лаура (очень забавно, что каждому герою в программе прилагается такая краткая характеристика, которая изначально сильно вводит в заблуждение; практически у каждого героя его описание должно быть сделано с точностью до наоборот). Будучи парализованной, на сцене Адела много раз терпит обидные шутки про ноги, что служит причиной ее постоянных жалоб. Что касается «старой девы» Лауры, она часто и громко переживает по этому поводу. Они обе завидуют богатствам Энрике, родственника из Мадрида, которые находят в его чемодане.

Гнев. Этот грех также свойствен Лауре. Она не

упускает шанса ударить свою маленькую двоюродную сестру и в целом ведёт себя крайне недружелюбно с каждым.

Похоть. Очевидно, что этот грех олицетворяет Льермо - «муж Хустины, наделённый наследственным пороком». Этот порок (бесплодие), кстати, тоже был предметом шуток, как и парализованность Аделы. Льермо откровенно пристает к Хустине. Когда на сцене появляется другая девушка, Марта, он заигрывает и с ней.

Марта - действительно очень яркая, очень красивая, но это и вводит в заблуждение. Мы знаем, она жила со своим богатым мужем до момента, пока не влюбилась с Энрике, а потом убежала с ним и чемоданом денег. Как я поняла, заигрывание самой Марты с мужем Хустины - лишь стеб над жалким Льермо, так что отнести ее к людям, олицетворяющим похоть, я не могу.

Людей, олицетворяющих *алчность*, на сцене шестеро. Формально вся пьеса переполнена алчными людьми, но я понимаю этот грех как деятельное стремление обогатиться, а не как неумеренное желание. Первый из этих людей - Энрике. Здесь, кажется, даже комментариев не надо, потому что вся его деятельность, которую мы видим, направлена на обогащение. С Мартой он далеко не от большой любви - Энрике даже пришлось пойти на убийство ее мужа, чтобы было проще уехать с Мартой и деньгами из города. Вторым героем, олицетворяющим алчность, является дон Грегорио - «несчастный старик», которого Адела и Лаура хотят отравить, настолько он им осточертел. Конечно, дедушка действительно несчастен, никому не пожелаешь жить в такой семье, но он чахнет над своей шкатулкой с богатствами и, как только выпадает возможность, сбегает и с ней, и с украденным у Энрике чемоданом денег. Далее идёт, как ни странно, Эстремадурский Сатир. Конечно, алчный он с натяжкой, но аргументация здесь очень проста. По сути, его деятельность заключается в том, что он наживается на чужом несчастье, и это впоследствии его убьёт. Отцы и рогатые мужья прощают своих дочерей и жен просто потому, что Сатир берет их вину на себя, да ещё и получает за это деньги. Также алчными являются и Адела с Лаурой. Они хотят отравить дедушку, чтобы, во-первых, избавиться от обузы, а во-вторых, чтобы забрать его богатства себе. И последним героем, который олицетворяет алчность, является Льермо. Он торгует контрабандой. Ему все равно, как зарабатывать: будь то причудливые зажигалки или сушеные человеческие головы, одну из которых он даже пожертвовал на куколку для Хустины.

Вот, кажется, и вся система образов. Вполне закономерен вопрос: а где Марта и Хустина? Они - единственные герои на сцене, к которым не применим принцип «греха». Хустина, «умственно отсталая крошка», воплощает в себе все то немногое хорошее, что могло попасть в этот герметичный гротескный мир. Она наивная, добрая девочка, оказавшаяся в условиях, где ей просто не выжить. Периодически во время действия она мечтает: она видит, как ее родственники мило разговаривают, улыбаются друг другу, но это лишь ее мечты. В конце она добавляет цианида в кофе всем присутствующим на сцене, но совсем не со зла. Ей внушили, что «порошочек» - это сахар, чтобы она не проболталась деду о планах Лауры с Аделой. В финале на сцене появляется Марта и заявляет, что она уходит от Энрике. Красавица не вписывается в общую картину этой сумасшедшей семьи. Она - другая. Что плохого в том, что она любвеобильная? У неё нет никаких ярко выраженных отрицательных качеств. К несчастью, она не знает, что ее муж лежит порубленным в чемодане и шляпной коробке Энрике, поэтому вполне возможно, что и ее ждёт смерть - самоубийство.

Когда герои умирают, Хустина выходит на сцену с чёрным акцентом на лице, как у всех - с чёрной помадой. Это знак того, что в ней уже не осталось той детской невинности и чистоты. На последних секундах спектакля Хустина собирается отпить из чашки кофе с цианидом, но - выключается свет. И совсем необязательно знать, сделает Хустина глоток или нет - ведь она все равно уже мертва.

А что, мнений не будет?

Ребята, знайте, в зале очень сильно чувствуется, сколько сил вы вложили в это общее дело. Вы классные!

...При всём этом, никак не могу сказать, что «хочу ещё кофе». Тема, конечно, на любителя: сушёные головы, расчленёнка, предсмертные стоны... лично мне такое НРАВИТСЯ!

Но очень не нравится театр фарса. В таком театре очень много ярких внешних эффектов, за которыми теряется суть, глубина и то, что я всегда любила в спектаклях нашей Студии. Обычно я после них выходила из зала и - даже если пятый вечер подряд смотрела пьесу - не могла «выйти» из неё; мне хотелось говорить о ней, думать перед сном, мысленно перебирать её детали и искать ответы на вопросы, которые задал в ней автор, режиссёр и актёры.

После «Кофе...» мне нечего было вспомнить, кроме, пожалуй, хорошей игры актёров. Ну да, смешно, озорно на первый взгляд... Наверное, вам самим очень понравилось работать над созданием спектакля. Но это не те характеры, не тот автор, не та пьеса, которых достойна наша замечательная Студия.

Ах да, знаете, что ещё я вспоминала? 2010 год и «Не в ту сторону». Этот спектакль до сих пор со мной, я перебираю в голове всех этих варёных золотых рыбок, «бусабей начал действовать», «энергию сахасрары» (вот согласитесь, тоже очень специфический для школьной сцены юмор!)... и глаза главного героя в конце - и этот голос: «Ну почему всегда НЕ В ТУ СТОРОНУ??»

И сколько лет уже мы с семьёй всё вспоминаем это и вспоминаем. Потому что глубоко. Потому что не как у всех.

А фарс - это, скорее, модно. Он всегда пользовался спросом. Но тот ли это жанр, который хотелось бы видеть на нашей любимой сцене дальше?

Я в который раз убеждаюсь (в этот раз как-то по особому сильно), что наша студия это не просто «покрасоваться на сцене, побыть немного звездочкой, выразить себя...»

Это нечто большее. Это про смелость, искренность и полную самоотдачу. Мне очень «зашло», что в спектакле на самом деле очень мало лоска. Персонажи просто такие, какие есть. Самобытные и непосредственные. И ещё ваш грим! Это прикольно, конечно.

Но ещё и так смело!

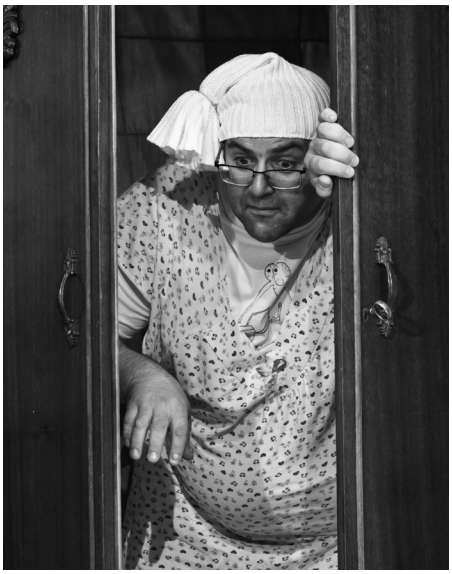
Каждый раз, когда я вспоминаю моменты спектакля (например, очень часто прокручиваю в голове финал), у меня все замирает внутри. Спектакль тронул меня до глубины души. Для меня он про наивность и милосердие, справедливость и наказание.

Знаете... у меня такое впервые... я влюбилась в каждого персонажа! Вот без исключения! Это удивительно.

Я прочла пьесу, по которой был спектакль. Для меня осталось загадкой, почему она была поставлена в школьном театре. Много непонятного юмора и нехорошего подтекста.

Было полно мнений,

Прекрасный смелый спектакль. Актеры блистательны. Впрочем, как всегда. Мне нравится, что режиссер не боится использовать в школьных постановках разные стили, жанры. Именно благодаря такой «черной» форме подачи, этот спектакль имеет огромную силу воздействия на зрителя. Я была шокирована развитием сюжета. Спасал прекрасный юмор в самых неожиданных моментах. «Пирула...; дедушка, почему вы не в гробу?; Марта возвращается к мужу» - это те, что я запомнила, были и другие не менее забавные. Я искренне смеялась. Спасибо, Маэстро! Умеете вы удивлять!



Один из лучших спектаклей, что я видела на этой сцене. Было прекрасно всё: и юмор, и харизматичность актёров, и сюжет. Некоторые шутки приводили в восторг, некоторые заставляли содрогаться от ужаса. А ещё было чувство совершённой справедливости, что все получили то, что заслужили. 12 кофейных зёрен из 10!

Просто чернейший и наимерзейший спектакль, что я видела! Столько грязи не было ещё нигде. Игра актёров просто потрясающая, все были как живые. Нет, как мёртвые, убитые гротеском души. С каждой минутой спектакля ужасаешься всё больше и больше. Ждёшь, что вот-вот кто-то окажется хорошим, произойдёт что-то доброе, но всё лишь усугубляется и в конце приходит к логичному и, наверное, единственно возможному в такой пьесе заключению. Восхищаюсь режиссёром, который смог поставить такой ужас, и актёрами, у которых хватило духовной силы играть такую мерзость.

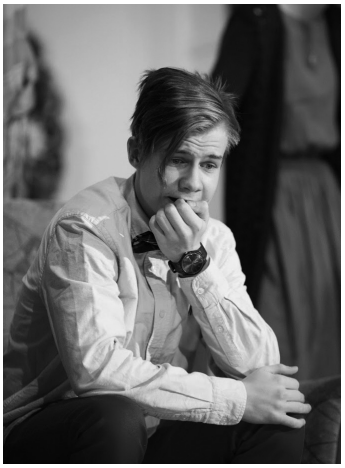
Самое большое впечатление на меня произвела сцена ближе к концу, когда «блудница» говорит, что едет к мужу, и даже не подозревает, что сидит на его трупе… Все смеялись, но мне, если честно, было не до смеха...

и вышло очень мило

Мне очень нравится, что каждый год любая премьера студии превращается для гимназии в неделю драйва и праздника. Это очень здорово! И то, что делает студия для нас, порождает огромный отклик в душе. Спасибо!

На спектакле была дважды, ни разу не пожалела. Многие мои знакомые покинули зал с тяжелыми впечатлениями, мол, мрачновато. Мне же все очень понравилось, и смеялась, и переживала. Уже второй год постановка не заканчивается привычным хэппи-эндом, который частенько высасывают из пальца просто потому, что так положено и привычно. Мне же всегда было интересно, осмелится ли кто-то завершить спектакль, поставленный на гимназической сцене, печальным концом, и получится ли сделать это красиво. Этим кем-то оказался наш любимый Маэстро, и я совсем не удивлена, учитывая его опыт и любовь к своему делу, о которых я знаю не понаслышке, а также готовность его актеров подхватить и воплотить в жизнь идею своего режиссера.

Я думала, что мне не понравится, потому что к чёрному юмору я не очень отношусь. Но, к своему удивлению, этот юмор вызвал у меня море хороших эмоций, и я, по правде, много смеялась. Да и в мире идиотов и дураков чёрный юмор правда кстати. Сначала я собиралась сходить только один раз, в четверг, но после просмотра поняла, что я хочу ещё!



И не одно, а 13, что особенно приятно

Показалось, что играли в этот раз все офигенно, Милена, например, была неподражаема.

Была пара хороших шуток. Но в целом мне показалось, что в этот раз как-то не дотягивал сценарий. То ли шутки были предсказуемыми, то ли на них заострялось слишком много внимания, не знаю. По-моему, на других спектаклях я даже смеялся больше. А если убрать шутки, то как-то не особо много останется - в отличие, опять же, от прошлых спектаклей. Я, как всегда, наверняка истинную суть не ухватил, но здесь ее словно бы и не было. Даже Терехов в начале спектакля ни на что не намекал - представил спектакль как «жизнь уродов». Может быть, не почувствовал у Мильяна какой-то изюминки, которая обычно есть в задумках Дарьи. Простите, у Никиты.

Простите мне, пожалуйста, мою неспособность живо отреагировать на спектакль. Во мне нет оклика на него. Может быть, потому что это тематически не моё (хотя вряд ли). Может быть, я не поверила игре актёров (кроме Милены, конечно же, и, наверное, бедной крошки Хустины). Но скорее я просто не совпадаю с вектором театральной студии в последние годы.

Я смотрела запись первой версии спектакля. Безусловно, декорации и костюмы в современном спектакле великолепны. Совсем другая Хустина, но в остальном… старая версия спектакля мне понравилась больше, ему я в большей степени верю. А при просмотре современной версии не покидало ощущение наигранности. Современная Хустина безумно понравилась. Вадим Александрович, а какова была Ваша цель в этом ремейке? В чем суть изменений, потому что у меня ощущение, что я ничего не поняла.

..это чудесное лицедейство захватывает тебя целиком. Когда я ходила первый раз, думала, может, предвзято отношусь, потому что родные люди... но потом... потом ты понимаешь, что нигде так больше не играют! Искренне, смешно до колик, трагично до сбоев сердечных, так непредсказуемо и страстно! Да. Это и есть театр, каким он должен быть. Не идти на уступки зрителю, а дотягивать его до своего уровня! Высокого! Настоящего! И... вот опять я жду следующей весны, ведь ребята делают такое чудо, творят его для нас лишь пять дней в году!

Письмо зрителю

Дарья Финогеева

Знаешь ли ты, зритель, как страшно выходить к тебе на сцену, когда ты смотришь из темноты, невидимый за светом рампы? Как мучительно ждать от тебя оценки? Как много нужно смелости, чтобы показать неоднозначное, выйти за рамки этики, за рамки «школьного театра»?

Что значит для подростка поставить под вопрос нормы мнимой нравственности?

В нашем зале нравственность превыше всего?

Не беспокойся, зритель, дети Старшей Студии вовсе уже не дети, они юные взрослые. Они умеют отличить шутку от злого умысла. Согласись, от юмора, пусть даже черного, еще никто плохим человеком не стал. А вот от подмены понятий, прикрытой нравоучениями и правилами... пожалуй.

Чувствуешь ли ты, зритель, как мы ждём твоей реакции? Каким неподъемным был для нас тихий понедельник, какой выматывающей напряженная театральная пятница.

Его физически трудно играть, этот спектакль. Он изнуряет, заставляя вытаскивать демонов из души, оставлять на сцене то, что в жизни ты прячешь даже от себя.

Ведь и ты, зритель, хочешь видеть нас (и себя через нас) красивыми, добрыми, милыми. Но у всего есть оборотная сторона.

Может, она проявляется не так гротескно, карикатурно, не малюет на наших лицах черной помадой. Еще хуже, когда она незаметно пролезает в нашу жизнь, оправдываясь раздражением, усталостью, проблемами? Мы критикуем, злимся, осуждаем, давим. Мы и к себе не очень-то добры.

«Кофе» не растрогал тебя, показав забрезживший свет, не дал заплакать и отпустить. Он оставил нас наедине с тем, что видеть страшно. Но необходимо.

Двадцать два года назад я тоже была зрителем.

«Кофе» был первым спектаклем, который я увидела в студии. Мне было девять. С тех пор я слегка изменилась.

Я была другой, когда плакала над «На краю лягушатника», другой, когда я холодела от ужаса на «Игре в фанты» и обмирала на «Все закончилось бы так прекрасно». Не та я играла в «Тени», другая слушала критику о «Не в ту сторону».

И режиссер меняется. И ты, зритель, меняешься. Взрослеешь, осовременниваешься. Ты входишь в зал разным – молодым или старым, усталым или веселым, надеясь увидеть друзей или не зная никого.

Скажешь, что Студия тоже изменилась? Но Студия – это дом. А дом – он всегда неизменен.

Место, где открываются новые таланты, где заражаются любовью, меняют стеснение на индивидуальность. Здесь рождается дружба на года, здесь стираются рамки возраста.

Ты, зритель, и мы – актеры – каждый год встречаемся в нашем доме. Принимаем вас в гости. Встречаем тех, кто когда-то этот дом покинул. Потому что вырос. Или разлюбил. Или просто переехал на новое место.

Но наш дом не пустует. В него приходят новые люди, занимают комнаты, расставляют свои вещи. Они пробудут тут столько, сколько им нужно, сыграют свои роли, напишут свою историю. И тоже вырастут.

Знаешь ли ты, зритель, как здесь не хочется быть взрослой? Как хочется вернуть время, когда сцена была большой, режиссёр грозным, а ты, зритель, был мой...

Как хорошо, зритель, что ты приходишь к нам в дом. Ежегодно. Ежеапрельно. Мы любим тебя. Мы играем для тебя. Мы будем ждать тебя снова. Пока стоит наш дом. Пока мы в него верим. А мы в него – верим!

Крепкий косое

Дарья Хлёстова

И зацепило, и удивило, и взгрустнуло.

Зацепило тем, как это вкусно сыграно! Соглашусь, что не всякий черный юмор должен вызывать безудержное веселье, но не могла себя сдержать, наблюдая за тем, как смачно актеры исполняли свои роли – мимика (потрясающий «антисмайлик» Милены), жесты (ужимки обеих актрис, исполнявших Хустину), оттенки интонаций (дуэты матери и дочери, «Пе-е-ерулла» дона Григорио). Зацепило смысловой насыщенностью оформления сцены. Все декорации, словно гуттаперчевые или шарнирные, выворачиваются, трансформируются – только гаснет свет, и вполне безобидные ширмы на авансцене превращаются в крышки гробов, стационарная койка неожиданно начинает кататься по всей сцене. Из мебели постоянно что-то вываливается – из дивана – грязное белье, из шкафа – погребальный венок, а потом и «умерший» дедушка. Зацепило продуманной детальной точностью оригинальных костюмов и грима. Все в этом монстро-доме разъедено порчей: и люди, и вещи – рваная одежда, грязная посуда, тошнотворное пятно на «праздничной» скатерти. «В наши дни не встретишь чистого лица», - произносит черными губами «ненакрашенная» Лаура. И действительно, все члены омерзительной семейки мечены – черные брови, черные зубы. В финале порок коснулся даже единственного светлого личика – невинной Хустины – убив своих родных, она выходит на сцену в розовом платье… и черной помаде. Зацепила красота нюансов – фигуры, вырванные из темноты лучом фонарика, ворон, летающий над долгожданной добычей.

Удивило то, насколько ловко вписалась наша старая пьеса в современную моду на обнажение и даже некоторую эстетизацию уродливого. Мрачные обстоятельства, страшные поступки как обыденный, уже не пугающий, будничный фон существования маленьких слабых людей. Не такие уж они и страшные, если вспомнить, например, Петербург Достоевского (думается, именно оттуда родом лаурин жених, защищавшийся от старушки топором), не такие уж нереалистичные в сравнении с обитателями дома деда Каширина из горьковского «Детства». Все их желания объяснимы, а поведение закономерно – при отсутствии счастья хочется денег и не хочется лишних претендентов на эти деньги. Герои врут так, что начинают сами себе верить – все пафосные рассуждения о морали и нравственной чистоте вложены в уста старой девы, мечтающей о романтическом визите местного маньяка-насильника. А правду говорят так, что в нее поверить невозможно, ведь носителем истины в пьесе становится полоумная недоразвитая девчонка.

Спектакль начинается с грозы. Грозы, которая очистит, омоет, освежит… Кого-то и где-то, но не этих душных людей и не в этом тоскливом доме. Здесь буря лишь сорвала последний фиговый листок, прикрывавший отвратительные пороки, ливень только размыл и развез липкую грязь мыслей и чувств. И вот уже вещи без стеснения называются своими именами: «Не портите мне праздник!» - говорит донья Адела после дедушкиной смерти, которую «ждал весь Бадахос». «Муж Марты здесь, с нами… в этом чемодане», - с раскаянием наозорничавшего ребенка признается племянничек-садист. «Покойник, вынутый из гроба, безусловно, оживил похороны, а то кормят тут совсем паршиво», - сетуют соседки-сплетницы, любительницы халявы.

И только две чудесные фразы фонариком освещают беспробудный мрак этого гнус-

ного царства. «Зло будет наказано!» - обещают нам в середине спектакля, когда уже очень хочется в это верить. Но поскольку эту светлую мысль озвучивает глуповатый инфантильный детектив-неудачник, надеяться приходится только на то, что зло накажет себя само. А еще хочется верить, что и вправду «любовь все искупает», как говорит старый дон Григорио, влюбленный, и потому другой. Это чувство делает его достойным спасения, достойным еще одного шанса и даже маленького бонуса в виде чемоданчика с деньгами. Хустина тоже была достойна, но у нее отобрали Льермо, и ей больше некого любить. Теперь она такая же, как все. Теперь она несчастна так же, как Адела, брошенная мужем, как Лаура, никогда никем не любимая, как Энрике, истинно влюбленный только в деньги. А значит для того, чтобы снова сделать всех счастливыми, нужно по-настоящему сильное средство… ну, то… с «двумя ложечками этого…», которое «бодрило» дедушку и даже подняло его из гроба!

Взгрустнуло… Такое близкое далёко. Словно давно забытая, но когда-то любимая мелодия. Странно, ты, вроде, знаешь текст, но почему-то ты не на сцене. И от дорогих людей в горячем свете рампы тебя отделяет только условная театральная стена. Безотчетно начинаешь проговаривать свой текст, подыгрывать партнерам. И стена исчезает. Ты видишь не только то, что происходит здесь и сейчас, видишь каждый репетиционный день. Когда находишь шутку, которая станет легендарной, когда смеешься до слез, импровизируя или забывая текст, когда балдеешь от музыки и света, когда кайфуешь от того, на что способны на сцене твои ученики, когда с волнением смотришь в щелочку кулис на лицо режиссера – архитектора всего этого чуда… Но магия мгновения тает, и ты снова по эту сторону рампы. И все это немного горчит, но послевкусие очень приятное… как от крепкого кофе.

Мы любим, мы играем

Алексей Макаров

Ни для кого не секрет, что Старшая Театральная Студия МГППГЛ — платформа бесконечных сценических экспериментов. На моей памяти (охватывающей всего пять-шесть лет, и всё же) не было такого года, чтобы здесь не обещали удивить зрителя. Каждый спектакль обязательно содержит свою особую «фишку», свою центральную сценическую находку. Отсюда, вероятно, такое внимание к конспирации, к сохранению интриги до последнего момента, отсюда же — особый подход к выбору пьесы, при котором малоизвестным произведениям почти всегда отдаётся предпочтение перед «избитой» классикой. Студия любит удивлять. И всё-таки даже в этом ряду постоянных сломов привычных рамок, спектакль «Кофе чёрный, как и весь этот юмор» вызывает ощущение необыкновенного по смелости эксперимента.

Потому что одно дело ошарашить зрителя разрывом театрального действия и введением в него режиссёра или запутать его в сложной оптике «реальность/нереальность», но совсем другое — отказаться от самого своего устоявшегося почерка, от голоса, ставшего привычным. Отказаться и разрешить себе фарс.

Слово «фарс» включено в состав подзаголовка (вообще не пытайтесь понять спектакли Студии, не прочтя подзаголовок: здесь они почти всегда несут мощную смысловую нагрузку), о фарсовой стилистике отдельно предупреждают зрителей во вступительной речи перед спектаклем. Почему

это так важно?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте сначала зададим другой, до неприличного глобальный:

Что такое театр?

Разных и по-своему правильных ответов существует множество. И каждый может на протяжении жизни давать их все по очереди. Но именно в этом году ответ Студии, кажется, совпал с моим собственным — и я только теперь наконец понял, чего мне все эти годы здесь не хватало.

Театр – это место, где играют.

Играют в самом прямом смысле слова: как дети, искренне, без стеснения и рамок, кричат, кривляются, прыгают, дерутся, притворяются не теми, кто они есть, говорят чужими голосами чужие слова и всё это — ради удовольствия. Это — ядро Театра, то, с чего он начинался, тогда, на улицах и площадях, но без чего и сейчас, по-моему, не имеет смысла.

Причём важно, что играют здесь все: и актёры, и режиссёр, и драматург, и зрители. Мы собираемся на два часа, чтобы рассказывать друг другу вымышленные истории — что может быть ближе к тому, чем занимают себя дети? Как бы ни были серьёзны и поучительны сами истории — они остаются небылицами, и если выжать из них эту игровую составляющую, нарядить в смокинги академической строгости — от театра мало что останется.

Можно, конечно, думать, что, произведя эти операции, мы пожертвуем живостью изложения ради самих высоких идей — но, кажется, это не совсем так. Скажите: многие ли зрители задумаются после двухчасового: «Задумайся! Задумайся! Задумайся!» ? Вряд ли. Я – точно нет. Но если два часа ты непрерывно плакал и смеялся, и плакал от смеха, и смеялся до слёз — по дороге домой у тебя уже не будет другого выхода, как думать о только что увиденном. Возможно, такой путь к сердцу зрителя, при его кажущейся кривизне, гораздо прямее и проще.

На протяжении многих лет Студия была серьёзна. Серьёзна в своих собственных текстах, в подаче обсуждаемых проблем, в манере их воплощения на сцене. Причём речь не о шутках — шутки были всегда, не в них дело. А в том, чтобы, даже говоря о жизни и смерти, не забыть: всё это не всерьёз, всё это – игра.

В этом году Студия играла. У Студии горели глаза. Студия сбросила рамки приличий и разрешила себе наслаждаться тем, что делает.

Кстати, кажется, впервые за всё время, что я вижу эти спектакли, основная «нагрузка» выбранного приёма пришлась не на режиссуру или драматургию — а на актёрскую игру. Причём крайне любопытно, каким образом элементы фарса дифференцируют пространство образов спектакля, вышедшее крайне разнообразным.

На одном полюсе здесь стоят персонажи, чья «фарсовость» разными средствами, но доведена до предела: Хустина — ребёнок с глазами ангела и пластикой настоящего Арлекина — и Донна Адела. Оба этих образа построены на чистом гротеске, на экспрессивных средствах театра представления.

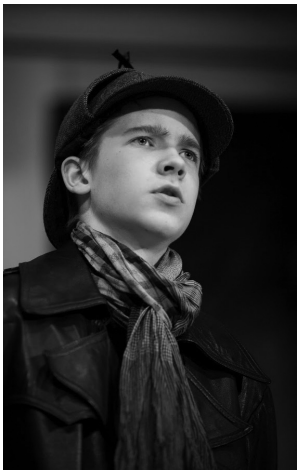
Другой полюс занимают условно «реалистичные» персонажи, чья мимика, пластика, голоса не вызывают в памяти героев итальянской комедии масок. Таковы Энрике и Марта, Дон Грегорио. В их же группу можно поместить и Льермо.

Но интересно то, что система образов (правильнее сказать: «система их актёрских интерпретаций») не ограничивается противопоставлением двух указанных полюсов. Есть гораздо более интересные случаи, как, например, Лаура. Здесь налицо разный подход двух актрис к работе над персонажем. В интерпретации Елизаветы Ульяновой Лаура предстаёт скорее «реалистичным» персонажем, хотя и с ярко выраженной суровостью как ядром характера. Дарья Финогеева движется скорее в направлении фарса: поиск для героя особого, «изменённого» голоса, зачатки особых движений — но всё-таки не доводит его до состоя-

ния Донны Аделы, не делает его игровой маской, останавливает свои поиски где-то посередине, что и позволяет говорить о плавном переходе между двумя группами героев.

Ещё один персонаж, занимающий промежуточное положение в этой классификации, – это Эустакио, сыгранный Константином Смятских. Но здесь «промежуточность» совсем другого рода: фарс и реалистичность находятся у Кости не в смеси, а жёстко противопоставлены и служат инструментом различения двух ипостасей его героя: собственно сторожа Эустакио и его сценического амплуа – Эстремадурского Сатира. Напомню, что только этот герой буквально появляется в спектакле в маске.

Отдельное место занимает также и группа персонажей-гостей: как сами доньи Сокорро и Венеранда, так и сын последней из них – Марсиаль. В данном случае образы также строятся на гротеске, но выражается он скорее в словах и поступках героев, нежели в самой их манере двигаться и говорить.



В результате возникает красивая «градиентная» картина персонажей, красивая не столько самой своей «градиентностью», сколько функциональным распределением «ненормальности» среди героев. Зрителю как бы предлагается с самого начала, чьими глазами смотреть на ситуацию: глазами персонажей, приехавших извне и ведущих себя почти совсем как нормальные люди. Одновременно указывается и на кого смотреть внимательнее всего: именно обители дома изначально маркируются как носители наиболее искажённого сознания, которое высвечивает их, как лучом софитов. Причём, приняв такое распределение ролей, зритель будет достаточно эффектно обманут, когда доктор Энрике, вопреки своему вполне человеческому поведению, внезапно окажется чуть ли не большим монстром, чем его сестра и тетка.

Про образ Донны Аделы, исполненной Миленой Саркисян, хочется сказать особо (даже понимая, что, скорее всего, о нём будут говорить многие). Без преувеличения игру Милены в этой роли можно назвать настоящей актёрской работой: создание полноценного персонажа, с его самобытной мимикой, жестикуляцией и интонациями и поддержание этого образа на протяжении всего действия без единого «прокола», без единой фальшивой ноты, хоть чего-то, взятого от себя. Главным инструментом здесь является, конечно, голос. Лишённая возможности двигаться, кроме как размахивая руками, Милена создаёт своего персонажа через его манеру говорить. Причём настолько убедительно, что мы верим в него, когда она ещё сидит спиной, верим, не видя ни грима, ни мимики. Браво!

Но так или иначе, даже те актёры, чьих персонажей мы поместили на противоположный полюс, кому сама роль не давала возможности сделать фарс конституирующей чертой его героя, всё равно играли фарс: отдельными реакциями, движениями, взглядами, смехом, мгновенными переходами от одного эмоционального состояния к диаметрально противоположному, а самое главное — тем, с чего я начал. Игрой. Признанием несерьёзности происходящего. Театр не был ни для кого из них копированием жизни или даже отражением её, это была игра в жизнь, от которой каждый получал удовольствие и в которой хотелось участвовать. Неотступно гудела мысль: «Почему я сейчас не там?». Так европейскому горожанину XVI века хотелось небось выпрыгнуть на сцену, так ребёнок не может удержаться давать героям утренника подсказки.

Значит ли это, что по-настоящему играть можно только «переигрывая», что только грубая форма даёт это раскрепощение? На мой взгляд, нет. Но один раз почувствовав вкус Игры на грубом примере фарса, можно затем подходить к куда более тонкому материалу, сохранив внутри это детское чувство.

И тогда в каком-то смысле (о не казните меня за кощунство) середину знаменитой фразы можно будет дополнить и уточнить, сказав:

«Мы играем для вас. Мы играем с вами».

Это печально признавать, но я похожа на Марту

Традиционный для театрального приложения жанр - интервью с дебютантом. Сегодня наш разговор с девятиклассницей Александрой Литваковской.

Саша и Студия

Саша, когда ты впервые услышала о театральной студии?

Как только пришла в гимназию в 6 классе. И сразу

загорелась этой идеей, тем более с первого по третий класс играла в старой школе в театре… нет, театром это, конечно, назвать нельзя – обыкновенная школьная самодеятельность.

Но в гимназии у меня не получилось сразу поступить в студию – не было времени: только в прошлом году я закончила музыкальную школу по классу виолончели.

Ты довольна, что поступила в студию? На будущий год уходить не думаешь?

Что вы! Меня теперь за уши оттуда не вытащишь.

А если во время читки пьесы она тебе не понравится, или если тебе не понравится роль, которую тебе дали – какой будет твоя реакция? Будешь ли ты работать в этом случае и как ты будешь работать?

Читка пьесы и распределение ролей – это только первое впечатление. Ты слышал пьесу только лишь один раз, ты еще не мог прочувствовать каждую роль. И, бесспорно, нужно стараться все равно попробовать понять мотивы персонажа, понять, зачем он в пьесе. Мне кажется, не бывает в пьесе таких персонажей, которые ни для чего не нужны.

Ты попала в Старшую Студию, не сыграв в Младшей. Ты ощущала себя новобранцем студии?

Я в принципе в школе мало кого знаю, кроме своей параллели и своих подшефных. То есть с ребятами старшими, из 10-11 класса, вообще практически не общалась. И, придя, я ощутила себя немного не в своей тарелке, потому что в основном все уже как-то общались друг с другом. У всех были какие-то компании: кто-то был вместе в Младшей студии, кто-то уже играл в Старшей, кто-то просто учится в одной параллели. А я – единственная девятиклассница-новичок - чувствовала себя немного отстраненно. Но потом, со временем, я даже не заметила, как это преодолела. Все началось с простых рабочих вопросов и постепенно переросло в нормальную светскую беседу.

Ты смотрела предыдущие спектакли театральной студии?

Не всегда – я в предыдущие годы много болела, и болезни попадали как раз на театральные недели. Старалась наверстывать за счет видео, но еще не все посмотрела. Вот в прошлом году «Альбину» видела. Я, правда, не сразу все поняла, но все равно в конце плакала. Это было очень сильное впечатление.

Саша и «Кофе»

А ты можешь представить себя зрителем на «Кофе»? Какое бы он произвел на тебя впечатление?

Да, я могу представить себя зрителем, потому что не участвую в последней сцене. На самом деле ВА держал финал в секрете от всех, мы его узнали буквально за пару недель до спектакля. И он не рассказал нам его, а прямо во время репетиции стал говорить Маше, куда ей идти, что делать… Маша идет, у нее трясутся руки, мы в зале все в шоке, а когда поняли, что сейчас произойдет, в один голос застонали: «Нет!» Когда все закончилось, мы сидим, переглядываемся, у всех слезы на глазах. Так что, думаю, я бы тоже поплакала.

А вообще мне нравится тайна в конце спектакля, что никто не знает, выпила Хустина кофе или нет.

А на твой взгляд?

Выпила.

«Кофе» - он вообще о чем?

О правосудии. В конце все, кто совершал какое-либо зло, были наказаны. Даже Хустина, которая сделала это нецеленаправленно, скорее по случайности – все равно она была наказана.

Все ли наказаны? А дедушка, унесший не только свои деньги, но и драгоценности Марты? А сама Марта?

Про дедушку сложный вопрос, я не углублялась в него, как в персонажа. А Марта – я не считаю, что ее есть за что наказывать. Но, возможно, она тоже будет наказана, ее жизнь закончится в ближайшее время.

Почему?

Она уехала от Энрике, как мне кажется, из-за того, что была на грани нервного срыва, ей нужна была его поддержка, а он как бы ее не замечал на протяжении всего спектакля. Ей было очень тяжело, и она приняла решение вернуться к мужу, но когда она вернется – ни денег, ни мужа не будет. Она останется просто ни с чем, ей не к кому будет пойти. Когда человек возвращается из нервного состояния, ему нужен кто-то близкий, хотя бы бывший муж. А Марта возвращается и понимает, что никого и ничего у нее не осталось . И может случиться непоправимое.

Танцы под Майкла Джексона – какую они нагрузку несут, на твой взгляд?

Мне кажется, что танцы под Майкла Джексона разряжают обстановку. А это особенно было важно в конце, на поклонах. Когда в конце зрители сидят и пытаются переварить спектакль, пытаются его понять – это, конечно, хороший комплимент всем, кто делал спектакль… но при этом хочется, чтобы зрители выходили из зала хоть с каким-то облегчением. Ну лично мне так кажется. И Майкл Джексон достаточно разрядил обстановку в конце, да еще и помогал между сценами.

А хорошо ли, что он разрядил обстановку, снял напряжение? Или все-таки зритель должен уходить на какой-то ноте надрыва, тем более после такого спектакля?

Конечно, зритель должен, вернувшись домой, рассказывая кому-то о том, как он посмотрел спектакль, вспоминать именно сам сюжет, который, безусловно, заставляет задуматься и дает почву для осмысления. Но когда зритель уходит из зала под впечатлением того, что произошло в конце, ему тяжело понять, понравилось ему или нет. А хочется у уходящего зрителя увидеть улыбку, что ему понравилось.

А улыбка – это подтверждение того, что понравилось?

Нет, не всегда, зависит от спектакля, конечно же. В нашем случае увидеть слезы тоже было бы достаточно логично и приятно . Но это достаточно трудный вопрос; возможно, понимание ответа на него придет спустя определенное количество лет в студии.

Саша и Марта

Скажи, пожалуйста, ты ожидала, что ВА предложит тебе именно роль Марты?

Для меня это было достаточно неожиданно, хотя мне с первой же читки все вокруг твердили, что мне дадут роль Марты. Мне сказали, что Вадим Александрович дал мне ее уже во время прослушивания. Говорят, что, когда выбирали, кого взять в театральную студию, он сказал: «Эту берем, я уже знаю какую роль ей дадим, она такая женственная».

Я сомневалась по поводу роли Марты, потому что на читке мне показалось, что Марта является одним из основных персонажей, а я не была уверена, что мне - в силу моей неопытности - дадут такую роль, я скорее думала, что мне дадут что-нибудь менее значительное. Я скорее себя видела Венерандой изначально.

Марта вообще какая? Она на тебя похожа? Ну или ты на нее…

Как бы это ни было печально признавать, но да, мы похожи. Потому что, это немного стыдно, но мне кажется, любой человек очень любит внимание. А Марту я считаю именно таким персонажем, которому нравится привлекать внимание

именно за счет своей внешности.

Ты тоже стараешься привлекать внимание за счет своей внешности?

Ну, возможно, за счет того, что я очень милая девушка. (*Смеется*) Мне нравится слышать комплименты. Мне кажется, любой девушке приятно слышать что-то приятное в ее сторону.

Почему Марта все время в красном – красное платье, красный халат …

На самом деле, я не помню, чтобы с режиссером обговаривались изначально конкретные какие-то цветовые варианты касательно пижамы. Про платье ВА сразу сказал, что видит Марту в красном. Мне кажется, что это связано с тем, что Марта должна привносить какую-то цветовую гамму в этот мрачный дом, потому что это очень черный, темный дом, в котором всегда все злятся, ругаются. И Марта с Энрике входят и устраивают своеобразный праздник в этом доме. И Марта своим нарядом добавляла еще больше яркости на сцену.

Саша и театральная неделя

Ты играла три дня – это почти исключительный случай для новичка, у которого напарник – студиец со стажем. Какая у тебя была реакция, когда ты об этом узнала?

Я сочла это похвалой от режиссера, оценкой моих стараний, которые я пыталась демонстрировать на протяжении всей работы над спектаклем. Это было облегчение и одновременно все внутри сжалось, потому что ты понимаешь ответственность, степень доверия. Я была уверена, что мне дадут два дня, что, из-за того что я только первый год в студии, ВА побоится давать мне играть больше. Но

он доверился, и я почувствовала на себе ответственность: я обязана не подвести. И поэтому на генеральных репетициях и тем более на театральной неделе старалась доказать ему и всем, что достойна, чтобы режиссер не пожалел о своем решении.

Но все же премьеру ты смотрела из зала. Какие ощущения?

Мне было интересно больше наблюдать не за тем что происходит на сцене (я на нее смотрела только в те моменты, когда там была моя напарница Катя, чтобы подмечать для себя что-то, что она не сделала, что нужно было сделать, чтобы зал засмеялся, или, наоборот, что и как надо делать, какие-то фишки для себя), а скорее за реакцией зала. И было у меня внутри достаточно большое напряжение перед каждой шуткой: вот я знаю, что сейчас будет шутка, и я сижу и в голове отсчитываю «Три, две, одна!» Звучит шутка, я смеюсь… а никто больше не смеется. Не поняли, значит. Жалко!

Саша и другие

Кто за тебя в зале болел, когда ты играла?

Все дни, когда я играла, в зале была моя мама, и практически каждый спектакль она приводила с собой какую-то еще группу поддержки, друзей семьи. На финальный спектакль пришли моя сестра-третьеклассница и папа. Я папу посадила в первый ряд и сильно волновалась...

Ну и какое впечатление у третьеклассницы?

Я в какой-то степени горда за то, что она поняла весь смысл спектакля. Не каждый взрослый замечал те детали, на которых мы хотели акцентировать внимание: что именно у тех, кто как-то был связан с злом, присутствовал черный цвет на лице – черные губы, черные брови. И я не думала, что у сестры такие мозги, такое внимание. Но она все заметила, осмыслила, и, когда я вечером домой пришла, первое, что она мне сказала: «Ведь спектакль о том, что каждый получил свое, то, что он заслуживает?»

Огромное спасибо Дарье Никитиной за неоценимый вклад в организацию, проведение и публикацию этого интервью.

Да здравствует макабр

Наталия Сорокина

2018 год. Кто бы мог подумать, но на сцене театральной Студии гимназии снова «Черный кофе». Позволю себе не сравнивать эту постановку с первой, но поделюсь своими впечатлениями и мыслями по поводу увиденного. Мне не понравилось. Но не понравилось не то, что я увидела, а то, что ощутила в процессе.

Как такое может быть? Почему мне нравится, как сделано, но результат пугает до ночных кошмаров ?

Трагический фарс, трэш… Нет, для меня это скорее черный карнавал. Если помните произведения Эдгара Аллана По, помните нарастающее ощущение беспокойства, саспенса, если позволите кинематографический термин использовать для описания театральной постановки. Детали, за которые цепляется сознание. Они сначала «позвякивают» на периферии сознания, потом неуклонно накапливаются, словно снежный ком, и разрешаются трагическим финалом. Весь спектакль мне было крайне неуютно, отвратительно и мерзко.

Из любопытства я решила посмотреть на оригинальный текст пьесы и нашла вполне логичное объяснение. Пьеса Хуана Мильяна написана в середине прошлого века и считается развлекательной. Автор открыто потешается над персонажами испанской глубинки, которые у него в основном глупы, злобны, чудовищно ретроградны. То же мы видим и в постановке Студии. Но есть один нюанс, одна деталь, умолчание о которой меняет (по крайней мере для меня) восприятие этой истории. В оригинале события происходят вечером в день Всех Святых на кануне Дня поминовения. Для русского человека эти праздники и испанские традиции неизвестны. Но позвольте мне рассказать о некоторых из них.

День Всех Святых для испанца – это праздник, когда загробный мир становится ближе к миру живых. Во всех провинциях Испании устраиваются карнавалы, где ряженые во всякую нечисть, скелеты и прочую жуть веселятся, поедают сладости с жутковатым названием «кости святых». Очень важно в этот день собраться всей семьей, собрать рюкзак, наполнить его угощениями и уйти на пикник или на кладбище, помянуть усопших. Исторически эти традиции уходят в язычество, когда духов загробного мира важно было и почтить, и задобрить на всякий случай. В католической традиции обряд поминовения очень важен и основан на вере в чистилище, поминовение живыми помогает заточенным там душам очиститься от грехов.

Ей-богу, я бы не грузила вас культурным экскурсом, если б не явные отсылки автора текста к вопиющей средневековости мира наших героев. Ну скажите, разве нормальные люди поверят в Сатира? Будут подносить записки с именем девушек, позволивших себе большее до свадьбы из опасения, что брак расстроится?

Так или иначе отсылки к традициям Дня Святых есть и в постановке. Чего стоит грим актеров, подчеркивающий их не-живость, ненормальность, скелетоподобность. Черные брови и губы в этом семействе - это даже не столько маска, сколько средневековая метка грешника.

И вся эта «мертвечина» стремится собраться в этот день вместе. Не удивительно, что племянник так рвется в родной дом. Хотя молодому человеку с девушкой было бы уютнее в гостинице. Племянник, как положено по традиции, собрал свой чемодан (давайте только не вспоминать, что именно лежит там). Вот только на кладбище не нужно идти – этот дом и так похож на ветхий склеп, в котором собраны неполноценные, убогие: умирающий, безногая, бесчувственная, бессердечный, бесплодный, безумная, бездумная, бесцельные и бесплотный. Выйдут живыми только те, кто хоть

чем-то проявили способность и жажду жизни.

Мне жаль только одну душу, что вынуждено окажется в чистилище. Не ее вина, что от окружившего ее зла и жестокости она сбежала в мир беззлобного безумия. Она все еще мечтает о свете, грезит наяву, но бал мертвецов требует жертвы и утянет ее на дно. Жаль, что эту «прелесть какую дурочку» никто не упомнит и не отмолит.

P.S. Никогда бы не подумала, что нечто похожее на «Бочонок амонтильядо» или «Маску красной смерти» можно так удачно поставить на сцене.

Кстати о По: песня про черного ворона – это тоже своеобразная «пасхалочка». Вороны – почти во всех культурах крылатые стражи погостов и посланники иного мира. А еще «Ворон» – известнейшее стихотворение. Птица, угнездившаяся на бюсте Паллады, знаменует, что все герои обречены.

Огромное спасибо Студии за этот отвращающий спектакль, столь изобретательно исполненный (костюмы, свет, грим, даже дерганые, макабрические танцы). За страшный праздник на грани черной комедии и жутковатого карнавала, из-под масок которого проступает классический литературный ужастик. Это было немного непривычное чувство для меня – прийти в театр и переполниться омерзением (но и любопытством) от столь круто поставленной пьесы.

Предпочитаю этого не знать

В.Б.Крапиль

Первая любовь не забывается. Первое впечатление - самое сильное. И множество других банальностей, которые от своей банальности не перестают быть истинами...

Сегодня трудно себе представить, но именно 22 года назад я впервые испытал на себе тереховское волшебство. И первой моей встречей с театральной студией стал именно он - «Кофе черный, как и весь этот юмор».

Спектакль разлетелся на цитаты. Больше двадцати лет в кругу моих знакомых звучало «и вышло очень мило», «не один, а два, что особенно приятно» и даже «не трогайте печенье, они все сосчитаны». При этом далеко не все знали первоисточник.

И вот я снова в зале, и снова передо мной история странной эстремадурской семейки, жестокой до нелепости. Режиссер просил не сравнивать спектакль с предыдущим - но я просто не в состоянии это сделать.

Тут как с любимой в детстве, но давно потерянной книжкой, которая вдруг, спустя много лет, попалась в руки - но, увы, с другими картинками и, возможно, в другом переводе. Вроде все знакомое... и все не то.

И дело, безусловно, не в игре актеров. Я никак не могу сказать, что Милена не дотягивала до уровня Хлёстовой, или что кто-то из Маш был хуже Ирзабековой, или что Лизе или Даше далеко до Прокоповой. Нет, иное решение того или иного образа было вполне ожидаемо и не вызвало отторжения.

Другие два момента поселили во мне странное чувство, будто в чем-то меня обманули.

Первое - не смешно. Практически никто из персонажей (а особенно «вечные гостьи», на которых держится большая часть комедийной составляющей этого фарса) не отрабатывал фразу так, чтобы она не только вызывала сиюминутный смех, но и становилась крылатой. И зал, смеявшийся далеко не всегда и не так, как два десятка лет назад, подтверждает мое ощущение.

А еще некоторые очень смешные (на мой вкус) выражения вообще были заменены, и не всегда удачно. Больше всего мне жалко едва ли не лучшую фразу из прошлого спектакля «Предпочитаю этого не знать!», ныне скомканную до неузнава-

мости и потому практически потерянную.

Отчасти замена шуток была попыткой осовременить текст пьесы. Но если «Криштиану Роналдо» получился вполне органичным, то фраза «она печатала на машинке и даже выходила в Интернет» может вполне считаться символической: либо это никем не замеченная небрежность (пишущие машинки уступили свое место компьютеру гораздо раньше, чем в повседневную жизнь пришла всемирная паутина), либо нарочитый прием... оставшийся непонятым.

Второе - грим. Здесь проявляется известная поговорка о том, что наши недостатки - продолжение наших достоинств. Грим очень ярок и интересен... но давайте вдумаемся в его смысл.

В том, давнем, спектакле действовали ЛЮДИ - очень странные, жестокие, сломанные жизнью, но остающиеся homo sapiens. И зритель невольно искал черты Аделы, Лауры, Энрике, Хустины и так далее в окружающих его людях. И был счастлив, если не находил: не приведи господь жить рядом с этакими...

В новом гриме «Кофе» (и это, кстати, подтверждал режиссер в традиционном вступительном слове) стал спектаклем из жизни НЕЛЮДЕЙ, уродов и идиотов. И немедленно встал вопрос: а зачем? Зачем это все? Почему зрителей должны волновать проблемы иной реальности, плохо проецирующейся на нашу? Это больше не темная сторона нашей жизни - это чужая жизнь, в которую мы заглянули (или которую подглядели). Посторонний (потусторонний) мир.

В давнем спектакле Хустиной движет любовь. Из-за этой, не по возрасту наивной, любви ко всем окружающим она наливает волшебный напиток своим родственникам - и удивляется, что они от этого не стали лучше. В новой постановке Хустина - жизнерадостная идиотка, которую «темное царство» притягивает и в конце концов делает своей. Но безвыходность и безысходность не проходят через душу зрителя - какое ему, собственно, дело до этих кукол, отплясывающих под Майкла Джексона?

Судя по всему, символом спектакля режиссер хотел сделать черного ворона, раскинувшего свои крыла над Бадахосом. На мой взгляд - не получилось: вся тема ворона выглядит инородной и вставной. Зато на первый план вышел дон Марсиаль, которого изменения (в том числе всемирно известный головной убор и знаменитая музыка) сделали гораздо более прямолинейным. Если тогда зрителю намеками (более чем прямыми - «это наш местный Шерлок Холмс») предлагалось самому оценить, был ли Марсиаль действительно сыщиком, инфантильным молодым человеком, играющим в детектива, или безвредным городским сумасшедшим, то теперь ответ дает режиссер. Как и на многие другие вопросы.

Двадцать два года несомненные удачи и относительные неудачи театральной студии заставляли меня задуматься. Даже прошлогодняя Альбина, чьи переживания были мне категорически не близки, существовала где-то рядом - в соседнем доме, на соседней улице... Новый «Кофе черный» далек от меня как, пожалуй, никакая другая работа Мастера.

При всем том я не могу не отдать должное студийцам: они как всегда были на высоте в воплощении режиссерского замысла.

...А может быть, я просто старею? Более пятнадцати лет меня связывает с гимназией только Театральная Студия, и я, возможно, не замечаю, как меняется молодежный мир. Может быть, новая утрированно-мрачная эстетика вкупе с желанием получать со сцены не вопросы, а ответы - современный тренд, а я просто отстал от поезда, идущего в будущее? Тогда все мои эмоции - это тот сахар, который тогда был слаще, и соль, которая солонее. Дай Бог, чтобы это было так: тогда Студия пойдет вперед, а я останусь ворчать где-то сзади.

А если дело не во мне? Что это может значить для Театральной Студии, ставшей такой любимой, такой неотъемлемой частью нашей жизни? Страшно подумать. Я бы даже сказал - предпочитаю этого не знать.

Спасибо!

Евгения Резникова (Клыкова)

Спектакль своеобразный, абсолютно не похожий на все, что делала студия прежде. Объективных оценок со стороны зрителя, пожалуй, не может быть по определению. Да и интерес, как мне кажется, как раз в том, чтобы вызвать дискуссию. Дискуссия - показатель неравнодушия, и, если я не ошибаюсь, наши режиссер и актеры стремятся в том числе и к этому. И эта цель снова достигнута.

Для начала оговорюсь, что предыдущий «кофейный» спектакль я не видела, ничего о нем не знаю, поэтому единственное, что мне остается - судить о нынешнем спектакле как о самостоятельном произведении, без всяких ссылок на дела минувших дней.

Честно признаюсь, пафос этого спектакль совершенно мне не близок. Никогда не была любителем черного юмора, черного фарса и сопутствующих этому стилю атрибутов, которыми буквально пропитано представленное произведение. Ощущение душевной наполненности, полной погруженности в созданную атмосферу, неизъяснимая потребность вернуться, вспомнить, осмыслить, глубже прочувствовать, возникавшие в той или иной степени после посещения прежних спектаклей, увы, в этот раз лично ко мне так и не пришли.

При всем этом очевидно, насколько режиссер и актеры вложились в эту работу. Поверьте, сказать, что ее результаты видны зрителю, - значит скромно промолчать. Вдохновение, погруженность в образ сияли ярче софитов. Игра актеров была изумительна, безукоризненна! Пожалуй, впервые за несколько сезонов на протяжении всего действия - с первых минут и до самого конца - я не чувствовала, что все это - школьный театр. Нет, здесь уровень неизмеримо выше. И это настоящее волшебство.

Очень хочется отметить профессиональное перевоплощение Милены - стопроцентное попадание в образ, все отточено до мельчайших деталей. Костя - шикарно, мастерски сыграно, просто нет слов, и море сожалений, что так мало видела его на сцене в этот раз. Хотелось смотреть и слушать еще и еще! Браво! Конечно, Алексей Яковлевич традиционно создал колоритный образ - так точно, ярко, с особенными, «фирменными» деталями, взглядами. Великолепно!

От всей души, несмотря на некоторые расхождения во вкусах, хочется сказать студии спасибо за тот высочайший уровень, на котором она держится, и за постоянный профессиональный рост.

Редакторы приложения
В.Б.Крапиль, В.А.Терехов
при участии Ольги Степченко

Использованы фотографии
Дарьи Гумановой, Екатерины Копыт
и Ивана Тимофеева